

ОБРАЗЫ И СУДЬБЫ РУССКОГО НАРОДА В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н.ТОЛСТОГО.

Вахидова Нигора Абдузугуровна

преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самарканского государственного педагогического института;

Абдуравубова Хилола Рустам кизи

студентка 3 курса факультета языков

Самарканского государственного педагогического института.

Аннотация. В данной статье представлен комплексный философско-литературный анализ концепции «народной правды» в творческой биографии и художественном наследии Л. Н. Толстого. Автор исследует сложный путь писателя от аристократического самосознания к радикальному почвенничеству, рассматривая народ не как социальный класс, а как носителя высшего этического знания и «ройного» начала жизни. В работе подробно анализируются ключевые художественные образы: Платон Каратаев как идеал духовного смирения, Тихон Щербатый как воплощение стихийной мощи нации и Константин Левин как проекция личных духовных исканий самого автора в поисках единства с крестьянским миром. Особое внимание уделяется в поздний период творчества Толстого.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, народная душа, «ройная» жизнь, Платон Каратаев, почвенничество, нравственное самосовершенствование, философия истории, экзистенциальный поиск, национальный характер.

Творческая биография Льва Николаевича Толстого — это грандиозный путь от аристократического самосознания к глубочайшему преклонению перед мудростью простого народа. Для Толстого «народ» никогда не был абстрактным понятием или объектом жалости; напротив, он видел в нем единственный живой источник смысла, способный спасти заблудшую душу интеллектуала от пустоты и отчаяния. Всю свою жизнь, от кровавых бастионов Севастополя до последнего ухода из Ясной Поляны,

писатель искал ответ на вопрос: в чем скрытая мощь этого молчаливого большинства, которое умеет жить и умирать с естественной простотой, недоступной высшему обществу? Народ в его философии становится не просто социальным слоем, а нравственным абсолютом и судьей, перед лицом которого проверяется истинная ценность любой идеи и каждой человеческой жизни.

Неотъемлемой частью биографии и творчества Толстого является его педагогический опыт в Яснополянской школе, который кардинально изменил его взгляд на народное сознание. Работая с крестьянскими детьми, писатель пришел к парадоксальному для своего времени выводу: не мы должны учить народ, а нам следует учиться у него широте восприятия и свежести взгляда на мир. В своих педагогических статьях Толстой утверждал, что народный ребенок гораздо ближе к истинному пониманию красоты и правды, чем «испорченный» цивилизацией взрослый аристократ (5. 67). Этот опыт лег в основу его художественного метода: Толстой начал стремиться к предельной простоте и ясности слога, считая, что только тот текст имеет ценность, который понятен и близок простому пахарю. Таким образом, народ стал для писателя не только темой, но и главным критерием художественного качества и искренности литературы.

Более того, в поздний период творчества Толстой всё чаще обращается к жанру «народных рассказов», где он окончательно отказывается от психологической сложности в пользу притчевости и моральной прямоты. В таких произведениях, как «Чем люди живы» или «Много ли человеку земли нужно», судьба крестьянина возводится в ранг вселенского мифа (1. 324). Здесь писатель подчеркивает, что истинная трагедия народа заключается не в материальной бедности, а в искушении городскими соблазнами и жаждой стяжательства, которые разрушают вековую общинную связь. Для Толстого сохранение «мужицкого» корня означало сохранение самой возможности спасения для всей России, поскольку именно в крестьянской среде еще теплился огонь неискаженного христианства, основанного на братстве, а не на догматах.

Философия народа у Толстого начинается с осознания того, что подлинная история протекает вне сферы большой политики, придворных интриг и светского

блеска. В романе-эпопее «Война и мир» автор вводит фундаментальное понятие «ройной жизни», где личность не противопоставляет себя окружающим, а органично растворяется в общем движении нации. Народ для Толстого — это единый организм, движимый инстинктивной правдой и «скрытой теплотой патриотизма» (6. 543). Именно эта стихийная сила, а не гений полководцев, становится решающим фактором в истории, опрокидывая рациональные расчеты Наполеона и доказывая преимущество духовного единства над механической дисциплиной армий.

Центральным образом, воплощающим народную мудрость, становится Платон Каратаев. В нем Толстой рисует идеал «круглого» человека — существа, лишенного эгоизма и живущего в абсолютной гармонии с миром. Каратаев не рассуждает об истине — он воплощает её в каждом слове и движении. Его доброта, принятие страданий и способность любить каждого встречного без разбора открывают Пьера Безухову путь к внутреннему возрождению. Для писателя Каратаев — это символ того смирения и душевного покоя, которые являются высшей формой человеческого существования, принципиально недоступной для холодного рационального ума дворянина.

Однако народ Толстого — это не только кроткий Каратаев, но и грозная, карающая сила, представленная в образе Тихона Щербатого. В «парзанской войне» проявляется оборотная сторона национального характера: суровая практичность, беспощадность к захватчику и первобытная энергия (2. 431). Толстой показывает, что народная правда может быть жесткой, когда речь идет о защите родного дома. Это органическое единство противоположностей — христианской кротости и воинской решимости — составляет уникальный сплав русского характера в представлении автора, делая народ непобедимым в моменты великих испытаний.

В более позднем творчестве, особенно в романе «Анна Каренина», судьба народа рассматривается через призму мучительных исканий Константина Левина. Левин — это альтер-эго самого Толстого, пытающегося преодолеть пропасть между мужиком и барином. Философия физического труда на земле становится для него единственным лекарством от экзистенциального кризиса. Наблюдая за косьбой,

Левин понимает, что секрет счастья скрыт в простоте потребностей и ясности совести, которыми обладают простые труженики. Народная жизнь здесь выступает как очистительная сила, способная исцелить человека от недугов искусственной городской цивилизации.

Трагедия позднего Толстого неразрывно связана с его убеждением в том, что государство, официальная церковь и частная собственность являются оковами, мешающими проявлению народного духа. В романе «Воскресение» звучит беспощадный приговор социальной несправедливости. Толстой видит в народе жертву векового угнетения, но в то же время верит в его исключительную способность к духовному преображению через непротивление злу насилием. Его симпатии окончательно переходят на сторону тех, кто возделывает землю, в то время как праздное общество, по мнению писателя, полностью теряет право на моральное лидерство. Завершая анализ, важно отметить, что Толстой никогда не идеализировал народ в бытовом плане — он видел и его невежество, и пороки (3. 448). Однако он преклонялся перед народным умением беспрекословно подчиняться высшему закону жизни. Судьбы его героев всегда зависят от их отношения к народу: те, кто отрывается от своих корней, неизбежно приходят к духовному краху. Те же, кто находит в себе силы услышать голос народной правды, обретают спасение. Для Толстого народ — это нравственное зеркало, в которое обязан заглянуть каждый, кто стремится найти смысл своего земного существования.

Подводя окончательный итог исследованию образов и судеб русского народа в творчестве Л. Н. Толстого, мы приходим к выводу, что писатель совершил беспрецедентный в мировой культуре акт духовного «опрощения», поставив простого труженика выше гения и аристократа. Для Толстого народная правда — это не этнографический интерес, а единственная жизненно важная альтернатива ложным ценностям цивилизации. Через своих героев он доказал, что спасение человечества кроется не в техническом прогрессе или политических реформах, а в возвращении к первоначальной чистоте народного сознания, к той самой «ройной» связи, где каждый человек чувствует ответственность за целое.

Философский масштаб этой идеи охватывает все бытие человека: от его повседневного труда до момента смерти. Толстой показал, что народ обладает уникальным даром принимать жизнь во всей её полноте и трагизме без жалоб и гордыни. Именно этот дар стал фундаментом его собственной веры и причиной его финального ухода. Творчество Толстого — это не просто литература, это величественный реквием по эгоизму и манифест в защиту простого человека, чья молчаливая мудрость оказывается выше всех философских систем (4. 447). В конечном счете, судьбы его народных персонажей служат вечным напоминанием о том, что истинное величие нации и отдельной личности начинается там, где кончается личная корысть и начинается искреннее служение общему благу. Толстой завещал нам видеть в народе не объект управления, а живой корень жизни, без сопричастности к которому любое человеческое существование теряет свою почву и свой смысл.

Список использованной литературы:

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой ; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М. : Гослитиздат, 1928–1958.
2. Страхов, Н. Н. Литературная критика : Сборник статей / Н. Н. Страхов ; сост. Н. Н. Скатов. — М. : Современник, 1984. — 431 с.
3. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой : Исследования. Статьи / Б. М. Эйхенбаум. — Л. : Художественная литература, 1986. — 448 с.
4. Вересаев, В. В. Живая жизнь: О Достоевском и Льве Толстом / В. В. Вересаев. — М. : Республика, 1999. — 447 с.
5. Бирюков, П. И. Биография Л. Н. Толстого : в 4 т. / П. И. Бирюков. — М. : Алгоритм, 2000.
6. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей : Статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. — М. : Художественная литература, 1972. — 543 с.